

можно говорить о византийском ктиторском праве. Такими типиконами в общем являются византийские монастырские уставы-типиконы.⁴¹ Происхождение, содержание, изложение и слог, а также значение и роль этих уставов в средневековом обществе могут быть довольно различными. Как обстоит дело в этом отношении на русской почве?

IV

Типи**ко**н передается, как известно, на древнеславянском и древнерусских языках словом «устав». Но последнее слово не означает лишь названные три рода типиконов — богослужебные, дисциплинарные и монастырские, как в греческом языке, оно употребляется для всякого порядка, упорядочения, указаний, правил чисто экономического характера, особенно в церковной области.⁴²

Какой вид имеет монастырский устав в собственном смысле слова на Руси? Прежде всего нужно еще раз отметить одно обстоятельство: известие «Повести временных лет» о принятии Студийского устава⁴³ Киево-Печерским монастырем имеет в виду не монастырский устав в буквальном смысле слова, а богослужебно-дисциплинарный типикон Студийского монастыря, который был принят, по Е. Е. Голубинскому, в редакции патриарха Алексея. Мы уже объяснили, что этот богослужебный устав со временем вытесняется отчасти Афонским и Иерусалимским уставами.⁴⁴

Настоящих монастырских уставов русских монастырей за первые столетия их существования не сохранилось. Мы даже подозреваем, что они никогда не существовали, ибо Иосиф Волоцкий писал знаменитую 10-ю главу своей «Духовной грамоты» «Отвещание любозагорным» в качестве апологии против тех монахов, которые утверждают, что «святити отци наши, иже в Русей земли, не писали предания и запрещения иночьская, но точно глаголы наказующе».⁴⁵ Таким противникам Иосиф отвечал, что русские «отци» монашества держались не менее строгих обычаев, чем древние отцы, и что их жизнь стала образцом для монахов основанных ими монастырей. Но Иосиф явно не мог утверждать, что уже до него существовали письменные монастырские уставы в широком масштабе. В своем «Отвещании любозагорным» он лишь описывает «предания», «обычаи» знаменитых русских монастырей, которые им внушались основателями и «великими» игуменами. За неприкосновенностью этих «обычаев» такие сильные личности следили, пока они были в живых. Кирилло-Белозерский монастырь дает нам пример, как по смерти Кирилла Белозерского «некая предания и законы святаго Кирилла не храняше и небрежение сих полагаше»⁴⁶ и как они потом восстановились.⁴⁷

Из этого явствует, что игумен-наследник должен быть блюстителем порядка жизни, установленного основателем монастыря. Такой порядок — незаписанный — в русских памятниках также называется «уставом» или «преданием» и «обычаем».

⁴¹ Конечно, такое разделение различных видов монастырских уставов является условным и в известной степени упрощенным. Несмотря на это, оно важно для избежания бесконечных путаниц.

⁴² Ср. Устав князя Владимира I (ДАИ, т. I СПб., 1846, № 1), Уставную грамоту князя Всеволода Мстиславича (там же, № 3), Уставную грамоту князя Ростислава Мстиславича и епископа Михаила (там же, № 4).

⁴³ См. выше, стр. 84.

⁴⁴ См. выше, стр. 84.

⁴⁵ ВМЧ, 9 сентября, столб 547.

⁴⁶ Там же, столб 552.

⁴⁷ Там же, столб 551 и сл.